

М. И. КУШНИР

*кандидат философских наук, исследователь,
автор и руководитель проекта общенационального значения*

**ИСТОРИЯ О ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ
(АНАТОМИЯ ОДНОГО ФЕНОМЕНА)**

Что мы называем словом «история»? Это события, которые действительно происходили в прошлом. Это описание событий, выполненное, в данном конкретном случае древнерусским летописцем. Это описание событий, изложенное в исторических монографиях и учебниках, выполненное исследователями летописного наследия. В XIX веке возникли научные взгляды: 1) летописец фиксирует реальные события, 2) летописец строгий «стенографист» как Пимен из поэмы Пушкина. Эти взгляды стали классикой, поскольку многократно тиражировались из поколения в поколение. Новые научные открытия (Шахматов, Лихачев и т. д.) не смогли оказать существенного влияния на эти взгляды. В результате мнимые события принимаются за действительные события, а на такой основе могут быть только ложные выводы. Автор вводит понятия фактоид и разрабатывает концепцию исторического миропонимания.

В статье также рассматривается государство, право и устройство управления как составная часть культуры и как результат деятельного труда субъекта истории (человека).

Ключевые слова: Древняя Русь, история, летописец, научные взгляды 19-го столетия, Пимен, Лихачев, фактоид, ложные выводы, государство, деятельный труд.

M. I. KUSHNIR

*PhD, researcher
the author and leader of national importance project*

**HISTORY ABOUT ANCIENT RUSSIAN HISTORY
(THE ANATOMY OF THE PHENOMENON)**

What do we call the word «history»? These are events that actually occurred in the past. This is description of events, made, in this particular case by an ancient Russian chronicler. This is description of events contained in the historical monographs and textbooks, made by researchers of chronicle heritage.

In the 19th century scientific views emerged: 1) the chronicler records real events, 2) strict chronicler «stenographer» as Pimen of Pushkin's poem. These views have become classics, as repeatedly replicated from generation to generation. New scientific discoveries (Shakhmatov, Likhachev, etc.) could not have a significant impact on these views. As a result of the alleged events are taken as real events, and on that basis can only be false conclusions.

The author introduces the concept of factoid and develops the concept of the historical worldview.

The article also examines the state, law and control as a part of culture, and as a result of the active work of the human.

Key words: ancient Rus, the history, the chronicler, the scientific views of the 19th century, Pimen, Likhachev, factoid, false conclusions, the state, active work.

Философия культуры, обращенная к материалам и событиям прошлого, отличается от исторической науки главным образом тем, что всё то, что не является фактом (хотя ошибочно признается историческим фактом), в культурологической плоскости является фактом. (Сложно? Но ведь и о вещах приходится говорить крайне непростых.)

М. И. Кушнир. Из неопубликованного.

1. Человек и история, как сведения о прошедших временах, находят в сложных отношениях. В одной плоскости мы имеем возможность наблюдать некую историкозависимость человека, где есть место и боязни и боязни истории и сладкого ее притяжения. В другой же — древнее и никуда не собирающееся исчезать желание как-то подправить историю, указать ей на ошибки, а то и порулить историей.

Для разных профессиональных групп и социальных слоев история важна в неодинаковом объеме, но — при любом объеме — история в системе ценностей человека обязательно будет на главенствующих позициях. Как свидетельствуют исследования психологов, место и время — это первые вопросы, задаваемые человеком себе («вовнутрь»). Человек не успокоится (не самоопределится), пока не «пропишет» себя в системе координат по осям горизонтальной (географически «где я») и вертикальной (хронологически «кто я, из какого прошлого?»).

Обычное или, можно сказать типичное восприятие истории состоит из следующего. Это: 1) патриотичность; на первом месте выделяется

«родина» и «малая родина»; 2) отторжение всего, что неясно (гипотетично), и готовность идти навстречу¹ любому утверждению, которое резко-однозначно; 3) нелюбовь к незаполненным «историческим пространствам», которые тут же заполняются «рацпредложением», идущим из народа²; 4) уверенность человека, что он-то знает наверняка все, как было на самом деле, и уверенность эта неотрывна от имеющего разные оттенки отторжения иного, от недоверия до полной агрессивности как реакции на иное изложение исторических сведений³.

2. Рассматривая треугольник, не менее загадочный, чем Бермудский: «Человек — история и — знания об истории», попытаемся ответить на вопрос, откуда мы берем знания по истории. В этом ведь, готовы предположить, тоже есть и своя традиция, и свои авторитеты, и свой алгоритм. И если двигаться далее, можно обнаружить: что мы в итоге получаем, факт или миф? и что нам больше не душе, миф либо факт?

Основной массив современных знаний о древнейшем периоде России (знаний, используемых в самых разных дисциплинах!) имеет ту особенность, что происходит из трудов, созданных, начиная с середины 18-го столетия, в столетии 19-ом, в основе которых лежит летописный источник (т. е. записи человека о других людях и их поступках, которые по определению не могут быть объективными). Первое наблюдение (о трудах и веках) основано на преобладающем в философской, историко-правовой и т. п. литературе количестве ссылок на Н. М. Карамзина,

¹ Такое движение навстречу можно определить как впитывание — охотное, активное и безоговорочное

² Один из наиболее ярких тому примеров Дом «Марфы Борецкой» в Новгороде — руины какого-то явно не современного здания и известное из новгородской истории имя соединились накрепко так, что никакие объяснения археологов и никакие научные статьи в прессе разрушить этого соединения не в состоянии. Современный пример на тему «пусто место не бывает» — в последнее советское десятилетие на прилавках появилась водка без названия, и народ заполнил (молвой, конечно) пустую этикетку: водка без названия вмиг становится «андроповкой».

³ Еще на заре возникновения истории как науки описания прошлого, летописец Никон, видя по прежним записям в хрониках, что участниками похода на Киев 882 года был Игорь и Олег, «лишает» Олега титула «князь» и пишет — «воевода» при князе Игоре. Там же в летописи сообщение о крещении Владимира в Корсуни сопровождается записью — те, кто утверждает иное, не знают истины (у Д. С. Лихачева примеров больше).

С. М. Соловьева — и не в порядке обсуждения (или, боже упаси, критики), но в качестве подтверждения исторических фактов. Обоснование второго наблюдения подтверждается трудами, из которых, как диаметрально противостоящими в дисциплинарном плане, выделим «Текстологию» Д. С. Лихачева и «Судебную психологию» А. Р. Ратинова.

Древнерусское прошлое — а одним из центральных вопросов здесь исследователи видят образование древнерусского государства и возникновение права — представлено в значительном преимуществе трудами историков. Хотя нельзя не отметить, что на тот период развития науки сложно или невозможно провести четкую дисциплинарную границу между филологами и историками, историками и философами, или правоведами исторического направления (такое отграничение было бы затруднительно для самих авторов трудов), а философии также еще предстояло «внутренняя» специализация. Такой объективной причиной объясняется значительное количество ссылок в диссертационной работе на источники, авторы которых известны как представители исторической науки.

Первая генерация научных взглядов на древнерусскую историю формировалась на представлениях, что А) летопись есть исторический труд, Б) летописец суть протоколист, как некая «машина» для фиксации фактов⁴. И, сформировавшись на этих позициях, затвердила такой подход на будущее.

Первым (да и многим последующим) исследователям недоставало простого (для современной науки), непреложного и базового положения об уникальности каждого человека, что не могло не привести к возникновению шаблона в представлениях о летописце (прежде всего), а также князьях и их «рядовых» современниках.

Первая генерация задала тон всему следующему изучению. Столбовая дорога исторического познания была проложена. Появлялись исследования и новые открытия, исходя из которых дорога не виделась уже такой столбовой, но эти исследования оказывались как-то с краю (на периферии, на обочине), а новые монографии и новые учебники продолжали «катиться» по накатанному⁵. Хотя за открытиями

⁴ А именно: если сказано, что князь произнес такую-то фразу, то ничего другого означать она не может кроме следующего: точно этот князь точно так, слово в слово, сказал, и точно в тот год, которым обозначена летописная статья.

⁵ Можно сказать, что новые открытия проходили как бы по касательной, не затрагивая всерьез выбранное «основоположниками» направление. Назовем эту

«на обочине» стояли такие имена, как Шахматов, Приселков, Платонов, Лихачев⁶.

Выделим из сказанного два момента. Первое: взгляды «основоположников» древнерусской истории, обладая высокой силой инерции, превратились в классику и отчетливо дают о себе знать по сей день⁷.

Заметное место и определяющее значение в историографической классике занимает традиция «раздачи» оценок. Речь идет о делении исторических событий и деятелей истории на «хорошие» и «плохие» (положительные — отрицательные, прогрессивные — не-прогрессивные и т. п., и т. д.), и в целом, например, в объеме книги это выглядит как устойчивая привычка поучать историю. Понятно, что в культуре не может быть отрицательных явлений (равно как и положительных). Этот вопрос на интересном примере⁸ изложен у Д. С. Лихачева [3, с. 84].

Второй момент — это корневое существование шаблона при «измерении» действующих лиц древней истории. Так, тип летописца известен по поэме А.С. Пушкина, и несмотря на то, что исследования столетней давности полностью доказали его антинаучность, влияние такого

столбовую дорогу магистралью — вдоль магистрали предупреждающие знаки (сиречь открытия, о которых здесь речь). И эти знаки сигнализируют — опасность!, магистраль ведет в никуда... Но магистраль накатана, двигаться по ней комфортно — и кто ж будет обращать внимание на предупреждения?!

⁶ «Текстология» Лихачева — большая и скучная книга, если в сравнение с ней ставить исторический «экшен», и потому для описания (изучения) истории кажется лишней (если вообще является известной автору исторического труда)... Очередной раз приходит мысль о заголовке пока ненаписанной статьи «Пушкин против Лихачева».

⁷ Если классика, то любая попытка анализировать ее воспринимается как посягательство и считается недопустимой. (Интересно сказано об этом и где-то даже смело у В. К. Зиборова).

⁸ Увы, тому немало примеров, см. Д. С. Лихачева, который писал (по случаю, не представляющему для нас интереса) — «С легкой руки Б. Д. Грекова в советской исторической науке родилась идеализация прогрессивного характера процесса государственной централизации. Дробление Руси на отдельные княжества рассматривалось в концепции Б. Д. Грекова, ставшей на некоторое время официальной концепцией всей советской историографии, только как **явление отрицательное**. Между тем дело обстояло гораздо сложнее. В процессе дробления были свои отрицательные, но были и свои **положительные** стороны» (ключевые слова выделены автором. — М. К.).

шаблона (под который укладывали всех авторов «Повести временных лет», а также и их персонажи) проявляется в немалом числе самых современных работ.

3. Два взгляда на летописца — два взгляда на историю (Ход истории и код истории). Речь пойдет об истории, какой ее видел — и какой хотел видеть создатель исторических хроник. Есть немалое число интереснейших замечаний, в каких муках создавались строки летописи. И если муки летописца — его внутренние противоречия (приплюсуем к этому тяжелые условия труда), то муки исследователя истории — они в противоречиях текста, отразившем или запечатлевшем муки летописца (хотя, увы, многие современники обходятся без мук).

Факт — в его истинном, философском или юридическом смысле — это одно, и совсем другое — летописный факт (именно так его и нужно называть, чтобы отграничить от первого), второе — очень похоже на первое, но — не оно. Словом, то, что в тексте летописи преподносится как факт, — это фактоид.

Фактоид и создается в муках, и читается в муках. Значит, о них надо подробнее.

По взглядам тех, кто первыми излагал историю России по летописи, создатель летописи — это, как сказано ранее, протоколист, беспристрастная машина-автомат, а созданный им труд — это стенограмма, фото с натуры⁹. Только через много лет пришли к выводу — ничто человеческое ему, летописцу, не чуждо... Однако основные взгляды по части «машины» уже вошли в плоть и кровь познания, и человек-исследователь с таким грузом не воспринимает другого летописца (хотя уже сто лет твердят о другом, и открытие А. А. Шахматова, казалось бы, должно быть затвержено авторитетом Д. С. Лихачева). Каковы же могут быть последствия, «отлучи» мы себя от классики, сформированной исторической наукой, находившейся тогда на самом что ни на есть младенческом этапе? Если обратим внимание на человека — как первописателя древнерусской истории, так и исследователя-читателя, отринувшего все машинное (поставив под критику летописное слово, обратившись к исследователям культуры) — мы получаем другие исторические обстоятельства, которые неизбежно ведут к другим выводам.

⁹ Хотя и в стенограмме, по большому счету, нет стопроцентной аутентичности, и фото можно «повернуть» так, как фотографу желательно видеть натуру.

В этом принципиальное отличие культурологического исследования от многих других, где просто пересказывается история, изложенное в летописи без какого-либо серьезного (а подчас и без малейшего) учета того, что это делалось человеком, исходя из его личного миропонимания под грузом задач, которые ставил этот человек исходя из того, как он понимал свою миссию историка, литератора и политика. Система доказательств изложена в других публикациях и повторение их здесь было бы явно неуместным; факторы, влияющие на итог работы летописца (приводящие к возникновению фактов и фактоидов) изложены в ряде работ [4, с. 28–41; 1, с. 218].

Тему мучительного выбора показывает Д. С. Лихачев, комментируя статью с рассказами о волхвах (эти рассказы объединены под 1071 г.). Летописец описывает события, не пропуская ничего, он симпатизирует волхвам при расправе над ними (в силу того, что на их стороне закон). Но — заметим дальше — он резко отзывается в итоге о вере волхвов, чтобы его не заподозрили (и не обвинили) в симпатиях к волхвам — так говорится у Д. С. Лихачева с позиций текстологии, в которой отмечаются не разовые случаи (хотя внимание уделяется и им), но типологические, имеющие писательские закономерности, в том числе историко-литературные способы изложения мысли и приемы.

Перенесем отмеченное Лихачевым на эпизод, описывающий вокняжения Святополка Владимировича (Ярополчича). Целый ряд обстоятельств указывает, что его вокняжение принято народом (киевлянами), одобрено — он как князь получил легитимацию. Летописец в этом описании — как историк не мог не отразить в тексте событие, «не заметить» его или «стереть из памяти» то, что дары киевляне брали. Однако как политик, наставляющий князей в том числе и на отрицательных примерах (а самым отрицательным выбран Святополк), он не мог допустить, чтобы такое было написано. Как совместить это «надо» и «нельзя»? В летописи к тому, что сказано летописцем-историком, добавлено летописцем-политиком (им же!) — киевляне брали дары неохотно, сердце их не лежало к этому князю. Так образовалась — как бы из двух частей — записанная в летопись фраза (вот он, летописный факт).

Та же самая история возникновения текста, как мною доказывается, о пожаре в Киеве в 1017 г., о замирении Мстислава и Ярослава в 1024 г. и значительного ряда других фрагментов.

(Добавим в скобках: такие вещи надо и можно исследовать. То что такого не делалось прежде — это не запрет браться за «факт», но стимул.

Надо собрать все летописные случаи пожаров, и все случаи осады, из которых выделить случаи, когда сопротивляющихся горожан осаждающие «доставали» с помощью огня. Выделив случаи, имеющие признаки осада-пожар, надо совместить с вопросом, почему под 1016 г. сказано, что Ярослав сел князем в Киеве, а под 1017 г., что он пошел в Киев, т. е. вновь вошел в город, в котором уже княжил и который вроде бы, по летописи, не покидал.)

4. Изучение истории человеком и знания об истории. Наличие шаблона — это первое, что делает необходимой феноменологическое и философско-антропологическое исследование вопросов созидания, описания и изучения древнерусской государственно-правовой истории. Наличие шаблона можно назвать и генеральной мотивацией при написании нового исследования.

Субъектами индивидуального миропонимания и поведения являются: князья и их сподвижники-воеводы, летописцы и деятели церкви, поименованные люди ближнего и дальнего княжеского окружения (Василь или Лазарь в первом случае, Нерадец и повар Торчин пример второго) и безымянное городское население (новгородцы, кыяне).

Государство, право и устройство управления рассматривается как составная часть культуры и как результат деятельного труда субъектов истории (персонажей летописи). Особенное внимание обращено на поведение князей и летописцев как участников политического процесса, государственного строительства (если определять это в современных терминах), деятельность которых есть образование государства, создание права и создание мифов о государственной истории.

Летопись рассматривается не как текст, излагающий историю, но как материал, позволяющий изучать исследователя истории, каковым являлся летописец, изучив предварительно его «инструментарий». При этом важнейшими элементами, с наибольшей достоверностью отражающими культурно-исторический процесс, будут:

- 1) Отношения между властью и иерархами церкви, между родственниками-князьями, между «старейшим» князем и подвластными, между Русью и сопредельными странами.
- 2) Действия летописных персонажей и оценки в летописи этих действий и оценочные характеристики самих персонажей.
- 3) Сами действия в их хронологической последовательности (поскольку летописные даты ПВЛ не всегда дают достоверную информа-

цию о действительном времени события, если таковое вообще имело место)¹⁰.

Все это возможно, если максимально применять знания прежде всего текстологического характера о деятельности летописца. Там впрямую сказано или дается подсказка к самостоятельному анализу о том, где летописцем руководила политика, где нелюбовь к отдельным своим современникам (конфликтная ситуация), где проявилась страсть к словесам (гонор литератора), где он учил, как должно поступать, а где описывал действительный поступок, и где составитель хроник доверился рассказчику (а у того свои страсти и конфликты).

В заключительной части необходимо отметить следующие моменты истории (не берусь говорить о сем предмете в мировом масштабе, здесь — только о древнерусском периоде).

Вначале — действительное имевшее место событие и летописец. Понятно, что сам летописец не мог бывать во всех походах, городах и «мероприятиях», о которых повествует летопись. Полнота и объективность сведений в летописи зависит от источника информации — от рассказчика (и особая статья — рассказы о событиях, не имеющих уже живых свидетелей). По разысканиям А. А. Шахматова (и это читается в сопровождающем «Повесть временных лет» очерке Д. С. Лихачева) многие сведения летописцами были получены от новгородцев-воевод Вышаты и его сына Яна Вышатича. В этих сведениях, по свидетельству Д. С. Лихачева, немало личной обиды рассказчиков, активное стремление возвысить значимость своей семьи — с этих позиций происходит подборка сведений (умалчивание об одних событиях и приукрашивание других).

Занесенные в летопись, рассказы воевод, выражавшие их личные симпатии и антипатии становятся историей. И что это значит? только то, что существенная часть древнерусской истории — это не история России, а история одной семьи, к тому же тенденциозная.

Следующий выделяемый нами этап — это обнаружение и введение в научный оборот летописных текстов. Опускаем сложнейший этап разделение текста на предложения, выявление значения незнакомых

¹⁰ Обоснование было изложено автором в докладе «Достоверность древнерусских государственно-правовых источников: проблемы прочтения и сравнительного анализа», сделанном на заседании секции государственно-правовых дисциплин Информационно-методического центра Главного управления МВД России (Санкт-Петербург, 18–20 ноября 2003 г.).

слов, сличение различных списков и еще многое такое. Переходим сразу к появлению исторических сочинений и возникновению первой генерации научных взглядов на древнерусскую историю (многие из которых время сделано непоколебимым монолитом)

Исследователям русской истории известны слова Н. М. Карамзина о том, что обращаясь к свидетельствам прошлого, нужно отделять баснословие от истинных фактов. Что можно сказать об этом? Легко провозгласить мудрую мысль, сложнее ей следовать. Для такого следования мало желания, надо еще отстранить себя от обаяния старины, тогда есть шансы обнаружить в летописи подвох, чтобы сделать проверку, разглядеть разницу между фактом и его отражением в кривом зеркале. А еще нужна научная методика, такая как «Текстология», которой во времена создания исторической классики, естественно, не было. Сам автор «Истории государства российского» следовал за летописцем, за исключением двух-трех оговорок (речь только о древнерусском периоде), в остальном же летописная строка вела его, можно было бы сказать в строгом ошейнике, если речь не шла бы о такой знаковой в отечественной культуре личности как Карамзин. В отсутствие тщательного и подробного анализа на достоверность идеологические установки Никона и Нестора приобрели значение исторических фактов, являясь, по сути своей, фактоидами.

Наконец — современные научные взгляды и задачи, которые требуют решения. За основу современных подходов, как представляется, должна быть взята теория миропонимания. Она складывалась продолжительное время и, надо полагать, разработана предельно основательно.

Вместе с тем ряду научных направлений приходится иметь дело с исходным материалом прошедших десятилетий и тем более веков. Эти материалы — отражение или, лучше, проекция восприятия мира людьми того, прошлого времени. При этом в литературе, о чем упоминалось ранее, без особого труда можно обнаружить такие конструкции: вначале обнаруживается некое обстоятельство (событие, связанное с исторической личностью), следом за этим за описанием события мы читаем о том, что историческая личность хотела свершить, затевая это событие, о чем думала (а порой читаем и о том, что чувствовала). Далее порой добавляется оценка исследователя: хорошо или дурно поступила историческая личность, но это здесь рассматривать не станем, достаточно того «что хотела» и «о чем думала».

Прописанные в исторических трудах заключения исследователя о мыслях и чувствах человека другой эпохи и другого, нам не совсем понятного социального статуса делаются исследователем с собственных мировоззренческих позиций (наверняка, должны быть и исключения).

Как люди далекого прошлого воспринимали свою действительность, по каким правилам строился и оценивался современный им мир? Этот мир только по сохранившимся текстам или археологическим черепкам (даже берестяным грамотам) не воссоздать. Как избежать навязывание своих мыслей, своего опыта, витающих в нашем мире идей людям далекой эпохи и историческим знаниям о далекой эпохе?

Когда сталкиваются два несоизмеримых в конкретике мира: мир историка-летописца и мир исследователя-историка, необходимо искать, что их связывает. Это преемственность культуры. И поскольку мы хотим видеть и понять мир, отделенный от нас столетиями, то актуальной должна стать концепция исторического миропонимания.

История в статье рассматривается как продукт культуры и ее составная часть. Вместе с вопросом «что происходило?» предстоит ответить на вопрос «откуда это известно?», причем, второй вопрос главнее первого. И тогда в центре внимания оказывается человек.

История жизни древнерусского государства (подлинные события эпохи!) передаются современно наблюдателю через сложную конструкцию (выделяем главное): на первой ступени — взгляды летописца на события, на следующей — взгляды первых исследователей летописной истории на события и по касательной на летописца, на третьей ступени — взгляды исследователя 20/21-го столетия на то, что было замоничено в 19-м столетии (и от этого никак не отрешиться), плюс взгляды на летописца и взгляды на летописную историю.

Нельзя не отметить в дополнении к сказанному, что одно слово гения весомее десятка фолиантов мудрых историков, когда дело касается такой тонкой материи как история [2, с. 92–94]. Думается, такое происходит потому, что гений — а речь идет о Пушкине и рожденном им Пимене — беспечно о том не задумываясь (так мне кажется), попадает в самую-самую глубинную точку народной культуры, получая в ответ стопроцентное доверие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кушнир М. И.* Древнерусское государство и право: Учебное пособие по дисциплине «История отечественного государства и права». СПб.: Изд-во СЗАГС, 2008.
2. *Кушнир М. И.* О пушкинской историографической концепции и поэтическом образе как гносеологическом курьезе // Кушнир М. И. Искусство разведки — в прототипах древнерусской литературы (по материалам «Повести временных лет»). СПб.: СПб. гос. технический уни-тет, 2001.
3. *Лихачев Д. С.* Мировое значение культуры Новгорода // Тысячелетние корни русской культуры. Новгород: Новгород, 1972.
4. *Лихачев Д. С.* Текстология (на материале русской литературы X–XVII веков). Л.: Наука, 1983.

TRANSLIT

1. *Kushnir M. I.* Drevnerusskoe gosudarstvo i pravo: Uchebnoe posobie po discipline «Istoria otecgestvennogo gosedarstva i prava». SPb.: Izd-vo SZAGS, 2008.
2. *Kushnir M. I.* O pushkinskoi istoriograficheskoi koncepcii i poeticheskom obraze rfr gnosseologicheskom kurieze // Kushnir M. I. Isskusstvo razvedki — v prototipax drevnerusskoi drevnerusskoi literatury (po materialam «Povesti vremennykh let»). SPb.: SPb. gos. Texnichesky un-tet, 2001.
3. *Likhachev D. S.* Mirovovoe znachenie kultury Novgoroda // Tysyacheletnie korni russkoi kultury. Novgorod: Novgorod, 1972.
4. *Likhachev D. S.* Tekstologia (na materiale russkoi literatury X–XVII vekov). L.: Nauka, 1983.